

УДК 811.221.3

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66

Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке

Роман В. Ронько

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,

Москва, Россия, romanronko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются правила выбора посессивных конструкций с местоимениями в шугнанском языке. В шугнанском языке посессивность может выражаться с помощью личных и указательных местоимений, местоимений с локативным послелогом *-and* и конструкций, которые включают в себя и стандартное местоимение, и местоимение, маркированное локативным показателем. В работе постулируется два синтаксических типа посессора, а также исследуются функциональные различия между этими типами конструкций, анализируются типы семантических отношений между посессором и обладаемым в исследуемых конструкциях.

Ключевые слова: посессивность, внешний посессор, предикативная посессивность, личный локатив, неотчуждаемость, шугнанский язык

Для цитирования: Ронько Р.В. Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 48–66. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66

Possessive constructions with pronouns in Shughni

Roman V. Ron'ko

HSE University, Moscow, Russia;

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy

of Sciences, Moscow, Russia, romanronko@gmail.com

Abstract. The paper describes possessive constructions with pronouns in Shughni. In this language, possessor can be expressed by personal and demonstrative pronouns, pronouns with the locative postposition *and*, and construc-

© Ронько Р.В., 2022

tions including both a standard pronoun and a pronoun marked with a locative marker. I compare these construction types, analyze types of semantic relations between the possessor and the possessee. Besides that, two syntactic types of possessive constructions are distinguished and their syntactic features are described.

Keywords: possession, external possessor, predicative possession, personal locative, Shughni

For citation: Ron'ko, R.V. (2022), "Possessive constructions with pronouns in Shughni", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 48–66, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66

1. Введение

Наша работа посвящена выбору конструкции с разными типами посессоров в шугнанском языке. Вариативность конструкций, выражающих эту грамматическую категорию, может быть обусловлена разными семантическими и синтаксическими факторами [Кибрик и др. 2006; Aikhenvald 2019; Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001; Lander 2004; König, Haspelmath 1997]. Так, для выражения посессивности важно, содержится ли рассматриваемое значение в предикате (английская конструкция с глаголом *have* или русская *y+GEN есть*) или в именной группе, в одной ли составляющей находятся посессор и обладаемое или в разных. На выбор конструкции может влиять семантический тип отношения между посессором и обладаемым: родственные отношения, отношение часть–целое, отношение легального обладания и др. На выбор конструкции также способны влиять информационная структура предложения и порядок слов.

В фокусе внимания нашей работы находятся конструкции с притяжательными местоимениями. Существует три конструкции с местоимениями со значением принадлежности: конструкция с личным местоимением в косвенном падеже (1a), конструкция с притяжательным местоимением, маркированным локативным послелогом *-and*¹ (1b) и конструкция с двумя местоимениями, одно из которых маркировано локативным послелогом (1c).

¹ В данной работе мы вслед за иранистической традицией будем называть *-and* локативным послелогом, однако морфологический статус этой единицы не совсем ясен. Подробное обсуждение этой проблемы представлено в следующей работе: *Sarkisov I.V. Morphosyntax of Noun Groups in Shughni*, student thesis. M: HSE Univ., 2018.

- (1) a. **mu** *stol*
 1SG.OBL стол
- b. **mu-nd** *stol*
 1SG.OBL-LOC стол
- c. **mu-nd** **mu** *stol*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL стол
 ‘Мой стол’. (Сконструированные примеры)

В нашей статье мы постараемся установить механизм выбора той или иной конструкции в зависимости от разных факторов.

Материалы для данной работы были получены несколькими способами. Во-первых, был использован словарь шугнанского языка (Карамшоев 1988). Данный словарь содержит 30 000 слов, которые в качестве иллюстративного материала снабжены фрагментами текстов, записанных автором словаря во время полевой работы. Работая с этим словарем, мы использовали корпусный подход. Были извлечены контексты с местоимениями в посессивном значении, которые впоследствии подверглись количественной обработке. Не извлекались примеры, которые содержат пометы, обозначающие диалектную принадлежность². Кроме того, мы использовали материал текстов, записанных в экспедициях НИУ ВШЭ на Памир 2018–2021 гг. в городе Хорог и в ближайших кишлаках, а также данные, собранные методом элицитации.

Статья устроена следующим образом: в разделе 2 представлены парадигмы местоимений шугнанского языка и описаны некоторые их морфологические особенности. В разделе 3 рассматриваются синтаксические типы посессивных конструкций. В разделе 4 анализируется влияние на выбор конструкции семантического типа отношения между посессором и обладаемым.

2. Морфология личных местоимений

В шугнанском языке в роли личного посессора выступают личные и указательные местоимения в косвенном падеже. Сведения о системе местоимений шугнанского языка содержатся в значительном количестве работ, см., например [Аламшоев 1994; Карамшоев 1963; Эдельман 2000; Эдельман, Юсуфбеков 2000; Юсуфбеков

²Имеются в виду пометы, обозначающие принадлежность к «баджувскому диалекту» и «шахдаринскому говору».

1998; Edelman, Dodykhudoeva 2009]. Парадигма личных местоимений 1-го и 2-го лица представлена в табл. 1.

Таблица 1

Личные местоимения шугнанского языка
(первое и второе лицо)

	1SG	2SG	1PL	2PL
NOM	<i>(w)uz</i>	<i>tu</i>	<i>māš</i>	<i>tama/tamā</i>
OBL	<i>mu</i>			

Формы именительного и косвенного падежей местоимений различаются только у местоимения 'я' и у местоимений 3-го лица, в роли которых выступают указательные местоимения, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Указательные местоимения

		«У говорящего»		«У слушающего»		«Дальняя дистанция»	
		M	F	M	F	M	F
SG	NOM	<i>yam</i>		<i>yid</i>		<i>yu</i>	<i>yā</i>
	OBL	<i>mi</i>	<i>maṃ</i>	<i>di</i>	<i>daṃ</i>	<i>Wi</i>	<i>Wam/wem</i>
PL	NOM	<i>māḍ</i>		<i>dāḍ</i>		<i>Wāḍ</i>	
	OBL	<i>mev</i>		<i>dev</i>		<i>Wev</i>	

Указательные местоимения имеют три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта³. В каждом ряду различаются формы числа (единственное и множественное) и падежа (прямой и косвенный). Указательные местоимения в косвенном падеже различаются по родам.

³ Подробное описание системы указательных местоимений шугнанского языка см. в статье А.О. Бадеева «Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке» в настоящем номере; см. также [Аламшоев 1994].

Кроме личных и указательных местоимений, в роли посессора может выступать также рефлексивное местоимение *xu*.

Местоимения, выражающие посессивность, способны не только выразить ее самостоятельно, но и присоединять к форме косвенного падежа локативный послелог *-and*. В табл. 3 представлены все встретившиеся в нашем материале посессивные формы, включающие в свой состав местоимения. Формы, заканчивающиеся на гласную, присоединяют показатель *-nd*, а формы, которые заканчиваются на согласную, способны присоединить два варианта данного показателя – *-and* и *-ind*. Согласно нашим данным, показатель *-ind* характерен для шахдаринского говора шуганского языка, однако некоторые материалы словаря (Карамшоев 1988) противоречат этому утверждению.

Таблица 3

Посессивные формы

Глосса	Местоимение	Местоимение <i>-(a)nd</i>
1SG	<i>mu</i>	<i>mu-nd</i>
2SG	<i>tu</i>	<i>tu-nd</i>
1PL	<i>māš</i>	<i>māš-and/māš-ind</i>
2PL	<i>tama</i>	<i>tama-nd</i>
3SG.M	<i>wi</i>	<i>wi-nd</i>
3SG.M	<i>di</i>	<i>di-nd</i>
3SG.F	<i>wem</i>	<i>wem-ind/wem-and</i>
3PL	<i>wev</i>	<i>wev-ind/wev-and</i>
REFL	<i>xu</i>	<i>xu-nd</i>

Формы местоимений *wāð-and/ind* (3PL.OBL), *mev-and/ind* (3PL.OBL), *dev-and/ind* (3PL.OBL), *tam-and/ind* (3SG.OBL), *dam-and/ind* (3SG.OBL) в посессивном значении используются редко и не встречаются в материале словаря (Карамшоев 1988), в работах по шуганскому языку [Аламшоев 1994; Карамшоев 1963; Эдельман 2000; Эдельман, Юсуфбеков 2000; Юсуфбеков 1998; Edelman, Dodykhudoeva 2009], в текстах [Зарубин 1960], а также в текстах памирских экспедиций НИУ ВШЭ 2018–2021 гг., однако являются возможными и были получены путем элицитации.

Кроме указанных способов выражения посессивности, в шуганском языке есть конструкция, в которой участвуют два место-

имения: притяжательное местоимение (совпадающее с местоимением в форме косвенного падежа) и местоимение с показателем *-and*, как в примере (2):

- (2) *tu-nd* *tu* *toli* *lap* *gandā*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL плохая очень судьба
 ‘У меня плохая судьба’ (Карамшоев 1988, с. 125).

В этом примере после местоимения с показателем локатива-посессива сразу идет местоимение без этого показателя. Здесь необходимо пояснить, что первую позицию в этой конструкции могут занимать не только местоимения с локативно-посессивным показателем, но и существительные с этим показателем.

3. Синтаксические типы посессивных конструкций

3.1. *Конструкции с внешним посессором.* В языках мира существуют два разных синтаксических типа посессоров – внутренний и внешний. Внутренним посессором называется конструкция, в которой посессор находится в той же фразовой составляющей (именной группе), что и вершина. Внешний посессор отличается от внутреннего тем, что он находится в отдельной от обладаемого составляющей. Конструкции с внешним посессором, в отличие от конструкций с внутренним посессором, есть не во всех языках мира [König, Haspelmath 1997, p. 591], так что вопрос о наличии внешнего посессора в том или ином языке является отдельной задачей. Примером конструкции со внешним посессором в русском языке является предложение (3).

- (3) *Вся оторвал ему ногу*

В шугнанском языке в примерах с притяжательными местоимениями, маркированными локативными показателями, обладаемое может быть отделено от посессора с помощью наречий.

- (4) *wi-nd* *biyor* *rižīn* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL-LOC вчера дочь умеющая ходить стать.F-PST
 ‘У него вчера дочь пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

Предложения с местоимением без локативного показателя, которое отделено от обладаемого наречием, запрещаются информантами при элицитации, ср. (5).

- (5) **wi* *biyor* *rizīn* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL вчера дочь умеющая ходить статья.F-PST
 ожидается: ‘У него вчера дочь пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

Вместо таких предложений информантами предлагаются предложения типа (6) с контактными расположением посессора и обладаемого.

- (6) *wi* *rizīn* *biyor* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL дочь вчера умеющая ходить статья.F-PST
 ‘Его дочь вчера пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

В примере (7) тем же наречием *biyor* ‘вчера’ местоимение с локативным показателем отделяется от цепочки, состоящей из местоимения без локативного показателя и обладаемого. Мы объясняем приведенные факты тем, что притяжательное местоимение без локативного показателя составляет одну именную группу с вершиной (является внутренним посессором), в отличие от местоимения с локативным показателем.

- (7) *wi-nd* *biyor* *wi* *rizīn* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL-LOC вчера 3SG.M.OBL дочь умеющая ходить статья.F-PST
 ‘У него вчера (его) дочь пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

3.2. Конструкции с личным локативом. Некоторые конструкции с внешним посессором имеют ограниченную функциональность. Так, в шугнанском языке именная группа с местоимением в локативе может быть глагольным зависимым, как в примерах (8–9).

- (8) *wev-and* *δud* *sū-d*
 3PL.OBL-LOC дым идти-PST
 ‘У них дымится’ (Карамшов 1988, с. 507).

В данных конструкциях невозможно использование местоимений без локативного показателя, см. пример (9):

- (9) **wev* *δud* *sū-d*
 3PL.OBL дым идти-PST
 ожидается: ‘У них дымится’. (элицитация)

В примерах такого типа выражено значение «личного локатива» в терминах [Daniel 2003]. Личным локативом называются грамматические конструкции, которые используются для обозначения

места, ассоциируемого с местом проживания человека. Выражения данного значения посредством посессивных конструкций распространены в языках мира⁴.

3.3. *Предикативная посессивность*. Другой тип конструкций с внешним посессором может выражать так называемую предикативную посессивность. Предикативная посессивность – тип посессивности, в котором данные отношения составляют предикативное ядро высказывания [Stassen 2001, Stassen 2013], см. примеры из русского и английского языков:

(10) *I have a cat.*

(11) *У меня есть кошка.*

В шугнанском языке предикативная посессивность выражается конструкцией с бытийным глаголом *yast*. Отсутствие обладания выражается с помощью отрицательного слова *nist*. Основная местоименная конструкция, которая используется при выражении предикативной посессивности, – это конструкция с местоимением, маркированным локативно-посессивным показателем (12а). Конструкции с местоимениями без локативно-посессивного маркера в данном случае использоваться не могут (12с), а конструкции с локативным показателем и дополнительным местоимением, выражающие предикативную посессивность, могут использоваться в контекстах с особой информационной структурой (12б), ср. пример (12).

- (12) а. *mu-nd stol yast*
 1SG.OBL-LOC стол быть.NPST
 ‘У меня есть стол.’
- б. *?mu-nd mu stol yast*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL стол быть.NPST
 <Контекст: Вам нужен стол? Нет у меня есть свой.
 Я подарю тебе стол, а твой возьму. Нет,> у меня есть стол.
- с. **mu stol yast*
 1SG.OBL стол быть.NPST
 ожидается ‘У меня есть стол’. (*элицитация*)

То же самое мы можем наблюдать при выражении отрицания обладания:

⁴ *Жигульская В.Р.* Типология личных локативов: выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

- (13) a. *mu-nd* *stol* *nist*
 1SG.OBL-LOC стол NEG
 ‘У меня нет стола’. (элицитация)
- b. *?mu-nd* *mu* *stol* *nist*
 1SG.OBL-LOC 1SG стол NEG
 ‘У меня нет стола’. (элицитация)
- c. **mu* *stol* *nist*
 1SG.OBL стол NEG
 ‘У меня нет стола’. (элицитация)

В словаре Карамшоева встретилось четыре примера (примеры 14–17), в которых конструкция, включающая в себя и местоимение с локативным показателем, и местоимение без него, выражает предикативную посессивность.

- (14) *mu-nd* *mu* *vōrj-and* *bašānd* *uramā* *va-d*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL конь-LOC хороший попона БЫТЬ.F-PST
 ‘У моего коня была красивая попона’ (Карамшоев 1988, с. 120).
- (15) *mu-nd* *mu* *qād* *pāct* *vu-d*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL рост низкий БЫТЬ-PST
 ‘У меня был низкий рост’ (Карамшоев 1991, с. 131).
- (16) *tu-nd* *tu* *gandagi* *ik=id* *vu-d*
 2SG-LOC 2SG упущение EMPH=DEM.II.SG БЫТЬ-PST
didi, *mu* *xēz=at* *na-ya-t*
 что 1SG.OBL направление=2SG NEG-приходить-PST
 ‘Твое упущение было (букв. у тебя было упущение) в том, что ты не приходил ко мне’ (Карамшоев 1988, с. 125).
- (17) *wi-nd* *wi* *dōnix* *bašānd* *vu-d*
 3SG.M.OBL-LOC 3SG.M.OBL знания хорошие БЫТЬ-PST
 ‘У него были хорошие знания’ (Карамшоев 1988: 175).

Как видно, конструкции предикативной посессивности выражаются тем же средством, что и конструкции с внешним посессором, т. е. местоимениями с маркером локатива.

Таким образом, местоимения (и, соответственно, имена вообще, см. пример 18) с локативным показателем участвуют в образовании конструкций с предикативной посессивностью и конструкций с личным локативом, которые мы будем считать подтипом внешнего посессора.

- (18) *Ahmed Parviz-and wi ric*
 Ахмед Парвиз-LOC 3SG.M.OBL сын
 ‘Ахмед – сын Парвиза’ (буквально ‘Ахмед, у Парвиза его сын’, *элицитация*).

4. Функциональное распределение посессивных конструкций с местоимениями

4.1. *Отчуждаемая vs. неотчуждаемая принадлежность*. В данном разделе мы рассмотрим разные типы посессивных отношений и попытаемся понять, как они влияют на выбор конструкции. Среди посессивных отношений в типологической литературе принято различать отчуждаемые и неотчуждаемые отношения между посессором и обладаемым. Отчуждаемым типом отношений считается, например, «законное обладание» (“legal ownership”, согласно определению [Aikhenvald 2019]). Неотчуждаемыми считаются такие классы отношений, как часть-целое (к примеру, части тела или части растения: *цветок одуванчика*), родственные отношения (сын, брат) и неотъемлемые человеческие свойства (например характер). Среди отношений часть-целое явным образом выделяются типы отношений, которые (предположительно) ведут себя типологически по-разному. Так, имеет смысл различать отношение между частями тела и человеком, которому они принадлежат, частями дома и самим домом. Различия между данными типами отношений подробно обсуждаются в разных работах, см., например [Aikhenvald 2019; Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001]. Некоторые из обсуждаемых типов отношений, а именно части тела и термины родства, очевидно, являются гораздо более частотными, чем части дома или части растений. Частотность является важным фактором грамматикализации тех или иных конструкций, и гипотеза о более высокой степени грамматикализации посессивных отношений «часть тела – человек» или родственных отношений в связи с частотностью контекстов, где эти отношения фигурируют, выглядит правдоподобной (см., например [Haspelmath 2008]).

Типы отношений и отчуждаемость также являются важным параметром для определения синтаксического типа посессора. В исследовании [König, Haspelmath 1997, p. 572–573] приводится иерархия типов посессивных отношений, в которой для конструкции с внешним посессором наиболее характерны неотчуждаемые отношения, а именно части тела:

- (19) *часть тела < одежда < другие контекстно уникальные предметы*

Далее мы попарно сравним разные группы объектов и попытаемся выявить статистическую значимость различий с помощью двустороннего варианта точного критерия Фишера. В связи с тем, что в табл. 4 у нас есть девять попарных сравнений, вероятность ошибки увеличивается в девять раз, поэтому мы будем вынуждены применить поправку Бонферрони, которая предлагает умножить полученное значение вероятности (*p-value*) на количество сравнений, т. е. в нашем случае на девять [Lehmann, Romano 2005, p. 350].

4.2. *Конструкции с локативным суффиксом vs. конструкции со стандартным личным посессором.* Конструкции со внутренним личным посессором вообще являются наиболее частотными в нашем материале. Статистически значимые различия между маркированием отношений законного обладания (над предметами) и родственными отношениями в исследуемых типах конструкций не обнаружены, что следует из табл. 5.

Таблица 5

Родственные отношения и обладание предметами в конструкциях с местоимениями и конструкциях с местоимениями, маркированными локативными послелогоами

	Родственники	Предметы
Местоимение с локативом	31 (15%)	27 (22%)
Притяжательное местоимение	173 (85%)	92 (78%)

Части тела маркируются конструкцией, в которой местоимение с локативом сочетается с внутренним личным посессором исключительно редко. Владение предметами и родственные отношения маркируются данными конструкциями чаще, однако эти различия являются статистически незначимыми (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони $p = 0.8964$. Результат статистически незначимый $p > 0.05$). Статистически значимыми являются только различия между маркированием частей тела и обладания предметами (см. табл. 6–7).

Таблица 6⁵

Обладание частями тела и обладание предметами
в конструкциях с местоимениями и конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогоми

	Часть тела	Предмет
Местоимение с локативом	4 (5%)	27 (22%)
Притяжательное местоимение	68 (95%)	92 (78%)

Таблица 7⁶

Обладание частями тела и родственные отношения
в конструкциях с местоимениями и конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогоми

	Часть тела	Родственники
Местоимение с локативом	4 (5%)	31 (15%)
Притяжательное местоимение	68 (95%)	173 (85%)

Для всех типов отношений конструкция со стандартным личным посессором – самый частотный способ выражения.

4.3. Конструкции с локативным суффиксом vs. конструкции с локативным суффиксом и местоимением. В табл. 8 мы пытаемся сравнить распределение данных конструкций с двумя типами отношений: владение предметами и родственные отношения.

Таблица 8

Родственные отношения и обладание предметами
в конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогоми,
и конструкциях с двумя местоимениями

	Предмет	Родственники
Местоимение с локативом	27 (87%)	31 (82%)
Притяжательное местоимение + местоимение с локативом	4 (13%)	7 (18%)

⁵ Двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 0,018$. Результат статистически значимый $p < 0,05$.

⁶ Двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 0,3493$. Результат статистически незначимый $p > 0,05$.

Интересно, что статистически значимых различий между употреблением посессивных конструкций для маркирования законного обладания и родственных отношений также не наблюдается (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 3,0393$. Результат статистически незначимый $p > 0,05$), несмотря на то что это безусловно разные типы посессивных отношений, и родственные отношения в некоторых языках могут квалифицироваться как неотчуждаемые, и мы могли бы ожидать здесь различий. Таким образом, в шугнанском языке посессивные конструкции, которые выражают обладание неодушевленными предметами, и родственные отношения чаще маркируются конструкцией с локативно-посессивным показателем.

В табл. 9 мы сравниваем распределение данных конструкций между родственными отношениями и частями тела.

Таблица 9

Родственные отношения и обладание частями тела
в конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогами,
и в конструкциях с двумя местоимениями

	Часть тела	Родственники
Местоимение с локативом	4 (15%)	31(82%)
Притяжательное местоимение + местоимение с локативом	23 (85%)	7 (18%)

В отличие от конструкций, выражающих родственные связи, обладание частями тела чаще маркируется конструкциями с локативом и местоимением. Различия здесь статистически значимые (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 0,00009$. Результат статистически незначимый $p > 0,05$).

Конструкция с локативом и местоимением (*mund tu*) в первую очередь предпочитает кодировать части тела, но иногда может кодировать уникальные родственные отношения и совсем изредка владение какими-то уникальными предметами или предметами одежды (см. пример 20).

- (20) *wem-ind-ēn* *wi* *cifc-ēn* *parḏō-d*
3SG.F.OBL-LOC-3PL 3SG.M.OBL бусы-PL продавать-PST
'её бусы продали' (Карамшоев 1988, с. 99).

Таким образом, из двух конструкций с внешним посессором конструкция *mund tu* в большей степени соответствует иерархии, приведенной в [König, Haspelmath 1997, p. 572–573]. Кажется, что конструкции типа *mund tu* агрегируют в себе «центральные» свойства внешнего посессора. Неотчуждаемые объекты, плотно прилегающие объекты (например одежда) или уникальные, специально выделенные объекты, которые являются обладаемым, выражаются конструкцией с внешним посессором [Кибрик и др. 2006].

5. Заключение

Среди рассмотренных конструкций принадлежности в шугнанском языке выделяются два синтаксических типа: конструкции с внутренним и с внешним посессором. В образовании конструкций с внешним посессором участвует локативный послелог *-and*, маркирующий обладателя. У конструкций с внешним посессором существуют отдельные функциональные подтипы, выражающие предикативную посессивность и личный локатив. Конструкции с местоимениями без локативного послелога являются внутренним посессором.

Нами были рассмотрены разные типы посессивных отношений и выявлены некоторые статистические закономерности распределения этих типов по разным синтаксическим конструкциям. Родственные отношения кодируются теми же конструкциями, что и отношения законного обладания предметами, в отличие от отношений между человеком и частями его тела. Самые частотные конструкции – конструкции с внутренним личным посессором – могут маркировать все типы отношений. Конструкции с показателем *-and* и местоимением чаще всего маркируют обладание частями тела, реже родственные отношения и законное обладание предметами. Конструкции с локативным показателем почти не используются при именах, обозначающих части тела.

Список сокращений и глосс

1 – первое лицо,	F – женский род,
2 – второе лицо,	LAT – латив,
3 – третье лицо,	LOC – локатив,
ADD – аддитив,	M – мужской род,
D1 – дистанция «у говорящего»,	NEG – отрицание,
INF – инфинитив,	NOM – номинатив,

NPST – непрошедшее время,
OVL – косвенный падеж,
PF – перфект,
PL – множественное число,

PST – прошедшее время,
PTCL – частица,
REFL – рефлексив,
SG – единственное число,
SUB – локализация суб.

Благодарности

Публикация подготовлена в результате проведения исследования (проекта № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Я благодарю коллектив шугнанской экспедиции, с которым неоднократно обсуждал материал, приведенный в работе, Юрия Александровича Ландера и Марию Александровну Холодилову, а также анонимных рецензентов, чьи соображения очень помогли в работе над текстом статьи.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-034).

I thank the Shughni expedition team, Yuri Alexandrovich Lander and Maria Alexandrovna Kholodilova, as well as anonymous reviewers, whose ideas were very helpful.

Источники

Карамшоев 1988 – *Карамшоев Д.* Шугнанско-русский словарь. М.: «Восточная литература» РАН, 1988. Т. 1; 1991. Т. 2; 1999. Т. 3.

Литература

Аламшоев 1994 – *Аламшоев М.М.* Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Душанбе: Помир, 1994. 248 с.

Зарубин 1960 – *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960. 388 с.

Карамшоев 1963 – *Карамшоев Д.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963. 366 с.

- Кибрик и др. 2006 – *Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н.* Русские possessивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.
- Эдельман 2000 – *Эдельман Д.И.* Шугнано-рушанская группа // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 208–225.
- Эдельман, Юсуфбеков 2000 – *Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П.* Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 225–242.
- Юсуфбеков 1998 – *Юсуфбеков Ш.П.* Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.
- Aikhenvald 2019 – *Aikhenvald A.Yu.* Expressing ‘possession’: motivations, meanings, and forms // Possession in languages of Europe and North and Central Asia / Ed. by L. Johanson, L.F. Mazzitelli, I. Nevskaya. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2019. P. 7–25. (Studies in Language Companion Series, 206)
- Dahl, Коптјевскаја-Тамм 2001 – *Dahl Ö., Коптјевскаја-Тамм М.* Kinship in grammar. To appear // Dimensions of Possession / Ed. by M. Herslund, I. Baron, F. Soerensen. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 201–225.
- Daniel 2003 – *Daniel M.* Towards a typology of personal locatives. Problem setting // Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology. Cagliari, September 2003. URL: http://web.tiscali.it/summerschool/scientific_program.htm (дата обращения 15.10.2021).
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – *Edelman D.I., Dodykhudoeva L.R.* Shughni // The Iranian Languages / Ed. by G. Windfuhr. L., N.Y.: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Haspelmath 2008 – *Haspelmath M.* Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // Cognitive Linguistics. 2008. No. 19 (1). P. 1–33.
- König, Haspelmath 1997 – *König E., Haspelmath M.* Les constructions à possesseur externe dans les langues d’Europe // Actance et valance dans les langues de l’Europe / Ed. by J. Feuillet. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 525–606.
- Lander 2004 – *Lander Yu.A.* Dealing with relevant possessors // Possessives and beyond: semantics and syntax / Ed. by Ji-Yung Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee. Amherst: GLSA Publ., 2004. P. 309–336. (Univ. of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 29)
- Lehmann, Romano 2005 – *Lehmann E.L., Romano J.P.* Testing statistical hypotheses. 3rd ed. N. Y.: Springer, 2005. 600 p.
- Stassen 2001 – *Stassen L.* Predicative Possession // Language typology and language universals: an international handbook / Ed. by M. Haspelmath, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 954–960.
- Stassen 2013 – *Stassen L.* Predicative Possession // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M.S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/117> (дата обращения 04.02.2022).

References

- Aikhenvald, A.Yu. (2019), “Expressing ‘possession’: motivations, meanings, and forms”, in Johanson, L., Mazzitelli, L.F. and Nevskaya, I. (ed.), *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. John Benjamins Publishing, Amsterdam, Netherlands, pp. 7–25. (Studies in Language Companion Series, 206)
- Alamshoyev, M.M. (1994), *Sistema mestoimenii shugnanskogo yazyka (v sravnenii s drugimi yazykami shugnano-rushanskoi gruppy pamirskikh yazykov)* [Pronouns in Shughni (compare with other languages of Shughni-Rushani group of Pamir languages)], Pomir, Dushanbe, Tajikistan.
- Dahl, Ö. and Koptjevskaja-Tamm, M. (2001), “Kinship in grammar”, to appear, in Herslund, M., Baron, I. and Soerensen F. (ed.), *Dimensions of possession*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 201–225.
- Daniel, M. (2003), “Towards a typology of personal locatives. Problem setting”, in *Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology*, Cagliari, September 2003, available at: http://web.tiscali.it/summer-school/scientific_program.htm (Accessed 15 Oct. 2021).
- Edel'man, D.I. (2000), “Shughni-Rushani group”, in *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 208–225.
- Edelman, D.I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), “Shughni”, in Windfuhr, G. (ed.), *The Iranian Languages*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 787–825.
- Edel'man, D.I. and Yusufbekov, Sh.P. (2000), “Shughni language”, in *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 225–242.
- Haspelmath, M. (2008), “Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries”, *Cognitive Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 1–33.
- Karamshoyev, D. (1963), *Badzhuvskiy dialekt sh-chnanskogo yazyka* [Badjuv dialect of Shughni language], Akademiya nauk Tadzhikskoy SSR, Dushanbe, Tajikistan.
- Kibrik, A.E., Brykina, M.M., Leont'ev, A.P. and Hitrov, A.N. (2006), “Russian possessive constructions. Corpus case study”, *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 16–45.
- König, E. and Haspelmath, M. (1997), “Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe”, in Feuillet J. (ed.), *Actance et valance dans les langues de l'Europe*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, pp. 525–606.
- Lander, Yu.A. (2004), “Dealing with relevant possessors”, in Ji-Yung Kim, Lander, Yu.A. and Partee B.H. (ed.), *Possessives and beyond: semantics and syntax*, GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, pp. 309–336. (University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 29)
- Lehmann, E.L. and Romano, J.P. (2005), *Testing statistical hypotheses*, Springer, New York, USA.
- Stassen, L. (2001), “Predicative Possession”, in Haspelmath, M., Oesterreicher, W. and Raible, W. (ed.), *Language typology and language universals: an international handbook*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, pp. 954–960.

- Stassen, L. (2013), "Predicative Possession", in Dryer, M.S. and Haspelmath, M. (ed.), *The World Atlas of Language Structures Online*, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, available at: <http://wals.info/chapter/117>, Accessed 4 Feb. 2022).
- Yusufbekov, Sh.P. (1998), *Deyktichnost' v yazykakh shughnano-rushanskoj gruppy: semantiko-pragmaticheskiye aspekty* [Deixis in Shughni-Rushani languages: aspects of semantics and pragmatics], Azbukovnik, Moscow, Russia.
- Zarubin, I.I. (1960), *Shugnanskie teksty i slovar'* [Shughni texts and dictionary], Akademiya nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Роман В. Ронько, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; romanronko@gmail.com

Information about the author

Roman V. Ron'ko, Cand. of Sci. (Philology), HSE University, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka St., Moscow, Russia, 119019; romanronko@gmail.com